

О классическом репертуаре

Ю. ГОЛОВАШЕНКО,
наш театральный обозреватель

родный комиссар по просвещению А. В. Луначарский с гордостью говорил, что в Москве бывали дни, когда в пяти театрах одновременно шли шекспировские пьесы.

Так в первые же годы революции классика заняла большое место в культурной жизни страны. В дальнейшем рост национальных культур в нашем содружестве наций как следствие советской национальной политики привел, в частности, к тому, что народы, прежде почти не знавшие грамоты, читали сложнейшие творения иностранной литературы в переводе на свой язык. Многие выдающиеся достижения советского театрального искусства были связаны с воплощением произведений русской и мировой драмы. Классику ставили все национальные театры нашей страны. Сложнейшие произведения из сокровищницы прошлого появлялись на сцене театров в Узбекистане и Литве, в Латвии и на Украине. «Отелло» на грузинском языке по успеху был равен постановке той же шекспировской пьесы в старейшем русском театре — в Московском Малом. Античные трагедии Софокла и Еврипида ныне играют в Москве и в Тбилиси. Сложнейшую народную драму «Четырнадцатое июля» Ромена Роллана недавно показал театр Ванемуине в старинном эстонском городе Тарту.

Если бы было возможно представить себе афиши советского театра за все годы его истории, они поразили бы своим размахом. Произведения разных времен и народов, от античности до наших дней, предстали бы рядом с пьесами современных авторов. Советский театр может гордиться этим. Неоднократно он поражал широтой своего репертуара и деятелей искусства и простых людей разных стран.

Вклад Ленинграда в классический репертуар советского театра чрезвычайно значителен. Одна только история Большого драматического, в свое время провозгласившего себя театром трагедии, романтической драмы и высокой комедии, богата в этом смысле достижениями. Академический театр драмы имени А. С. Пушкина в советскую эпоху создал много таких спектаклей, где истолкование классических пьес было образцовым. Да и как могло быть иначе? Традиции этого театра, где впервые был сыгран гоголевский «Ревизор», богаты и многогранны. Из поколения в поколение передают его замечательные мастера свой опыт, и в том числе опыт работы над труднейшими произведениями мировой драмы.

Много ценного сделано и другими ленинградскими театрами, по-своему истолковывавшими различные классические пьесы.

Однако сейчас на ленинградской сцене классики почти нет. Об этом приходилось уже писать, но положение не меняется. Даже

недавние выдающиеся спектакли, например «На дне» Горького в Театре драмы имени А. С. Пушкина (постановка Л. Вильяма и В. Эренберга), почти не появляются в текущем репертуаре, а многие и вовсе сняты. Среди новых работ театров классических пьес почти нет. В крупнейшем театральном центре страны, в нашем городе, где театральная жизнь чрезвычайно богата и интенсивна (Ленинград вправе гордиться многими созданными за последние годы произведениями своего сценического искусства), нельзя увидеть почти ни одного из тех произведений классики, которые обязаны жить на нашей сцене всегда, произведений программных для русского критического реализма, для лучших эпох зарубежной литературы. Между тем режиссерские и актерские силы у нас велики. Им по плечу любые испытания, любые дерзания. У нас есть и многоопытные мастера и молодежь, которая была бы способна по-новому прочесть ряд классических произведений.

Многие сценические открытия в советском искусстве делались тогда, когда сложнейшие роли мирового репертуара играли артисты, по своим творческим индивидуальностям соответствующие этим ролям. Когда в труппе того или иного театра есть художник-мастер или молодой актер, в чьем даровании можно угадать большие возможности, нужно решительнее и смелее идти им навстречу. Здесь роль руководства велика: ведь актер не может, подобно пианисту или художнику-живописцу, сам сесть за роля, чтобы сыграть то произведение, к которому он стремится, или взять в руки кисть, чтобы создать живописное полотно, в котором выльются его взгляды. Актер зависит от театра, где он работает.

Но насколько у нас продуманы творческие планы и крупнейших артистов и молодых, у которых, если они не будут планомерно развиваться, таланты угаснут? Об этом стоит задуматься, говорить, спорить.

Вероятно, если бы Ю. Толубеев сыграл Фальстафа, это было бы событием в сценическом искусстве. Думается, если бы Н. Черкасов сыграл Каренина, в сценическую историю Льва Толстого

была бы вписана важная страница. Разве театр, носящий имя великого Пушкина, не обязан снова пытаться воплотить «Бориса Годунова» — ведь в этом театре работает Н. Симонов?.. И почему тот же театр не возобновляет «Гамлета» и «Ревизора», не вводит в них новых исполнителей — ведь в этих спектаклях могли бы раскрыться новые дарования, новые таланты?

Подобные вопросы можно задать и другим ленинградским театрам.

В Большом драматическом театре скоро будут закончены репетиции грибоедовского «Горя от ума» в постановке Г. Товстоногова. В планах Театра комедии, как сообщил Н. Акимов, — «Дон-Жуан» Байрона. Академический театр драмы давно уже работает над пушкинскими «Маленькими трагедиями». Все это будет большим и важным вкладом в классический репертуар ленинградской сцены.

Но вспоминаются и многие другие обещания, например обещание Театра драмы имени А. С. Пушкина поставить «Три сестры» или инсценировать «Войну и мир». Как велики права этого театра на создание больших сценических полотен эпического плана! Почему он их не использует? Жаль, что Театр имени Ленинского комсомола не задумался над тем, как интересно было бы на его сцене воплотить один из замыслов М. Горького — создать историю молодого человека. Для этого классика может дать большой материал. Что из репертуара В. Ф. Комиссаржевской — репертуара огромного значения — думает поставить Драматический театр, которому присвоено имя великой русской актрисы? Какими классическими произведениями героического плана обогатит свой интересный репертуар Большой драматический театр и как продлит он горьковскую линию в своем искусстве? И отчего Театр юных зрителей так давно не ставит классику, столь важную для его аудитории?

Сокровищница мировой драматургии открыта для советского сценического искусства с его исключительными возможностями и богатыми традициями. Почему же последнее время так редко обращаются к ней ленинградские театры?